

КОНФЕРЕНЦИЯ: «ЛАТВИЯ И РОССИЯ В ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ В XXI ВЕКЕ. КТО МЫ:
ДРУЗЬЯ, ВРАГИ ИЛИ ПАРТНЁРЫ».
Июнь 2000г., Юрмала, Латвия.

Данилов Дмитрий (Россия) – заведующий отделом европейской безопасности
Института Европы РАН, кандидат экономических наук.

РОССИЯ В ИНТЕГРИРУЮЩЕЙСЯ ЕВРОПЕ

Здесь уже говорилось о том, что Россия много проиграла за последние десятилетия и что сейчас стоит проблема национальной идентификации, проблема выбора стратегии. Это действительно так. Но что, мне кажется, особенно важным, что мы не только проиграли последние десятилетия, а то, что за последние десятилетия после окончания холодной войны стало ясно, что мощный исторический поток позитивных перемен, который развивался в Европе, стал не только заметно ослабевать, но и несет сегодня в себе своеобразную разрушительную энергию обратной волны. Но об этом сегодня уже говорили. Говорили о том, что преодоление конфронтации оборачивается сломанным барьером для силовой политики. Говорили о Югославии. Говорили о том, что Косово нарушило как бы сдерживающий морально–психологический барьер для применения военной силы. Важно, что Запад, по существу, благословил Россию на чеченскую кампанию своей акцией в Югославии.

Но, как мне представляется, и Косово, и Чечня, в общем–то, не стали причиной кризиса российско–западных отношений, а явились, скорее, отражением этого кризиса, который носил более глубокий характер. Если размышлять о том, каковы причины этого кризиса, то следует обратить внимание на то, что в России, в российской политике, в прежние десятилетия, об этом уже говорилось, были сильны иллюзорные восприятия Запада и западной политики.

Тем не менее, первоначальная эйфория начала 90–х годов, связанная с общеевропейскими процессами на Западе, ведь была очень быстро преодолена. Запад вполне осознанно пошел по пути адаптации и укрепления собственных институтов, одновременно, конечно, развивая инфраструктуру политического диалога и такого дозированного партнерства с Востоком. Но, тем не менее, постоянно исходил из того, что для такого партнера существуют вполне естественные пределы, прежде всего исходя из нашей нестабильности.

Но вот уже общеевропейская риторика Запада, она, по существу, была лишь необходимой упаковкой вот этой западной политики в области институционального строительства в Европе. Россия в свою очередь, наверное, это очень долго не понимала и строила свою западную и европейскую политику на основе собственного иллюзорного восприятия. И поэтому российская политика оказывалась все более неэффективной и по содержанию реактивной.

В этой точке зрения, на мой взгляд, очень важно сделать вывод и осознать, что не Запад обманывал Россию, что, конечно, имело место по определенным вопросам, это понятно. Но самое главное, что сама Россия неадекватно воспринимала западные действия и политику, пытаясь в течение целого десятилетия фактически дотянуться до этого западного пряника – партнерства между Западом и Россией, который часто даже называли стратегическим. Мы убеждали НАТО не расширяться на восток. Мы убеждали НАТО не распространять военно–политическую активность за пределы собственной территории. Мы пытались убедить НАТО, как хороша наша концепция организации европейской безопасности на основе ОБСЕ и так далее.

Но, по–видимому, составление такого «реестра ошибок» Запада совершенно бесперспективно. И поэтому сегодня Россия стоит на пороге переосмысления своей собственной политики и стратегии. События последнего времени, особенно косовский кризис, на мой взгляд, вряд ли оставляют место прежним иллюзиям и, напротив, как уже говорилось, способствуют утверждению в России трезвого видения современных международных отношений. С моей точки зрения, очень показательным, когда после стамбульского саммита ОБСЕ говорили, что России не удалось отстоять свою концепцию в построении общеевропейской системы безопасности. На мой взгляд, это совершенно неверно. России, наконец–то, удалось отказаться от своего абсолютно нереалистичного подхода.

В чем состоит сегодня проблема? Проблема состоит в том, что мы по–прежнему хотим быть в большой Европе, мы по–прежнему являемся приверженцами общеевропейских

процессов. Но дело в том, что эта объединенная Европа уже формируется сегодня. Она формируется все более явственно. И это, наверное, то, чего хотел в свое время Михаил Сергеевич Горбачев. Но формируется она, к сожалению, без России. И вот это является сегодня колоссальным вызовом и для самой России, и для объединяющейся Европы.

Поэтому, если мы говорим об однополярном или многополярном мире, то мне кажется, что самая—то большая опасность состоит как раз не в создании какого—то мифического однополярного мира, где лидирующие позиции займут или будут занимать Соединенные Штаты. Опасность для России состоит в том, что прежняя bipolarная конфронтация совершенно очевидно сегодня сменяется новой европейской bipolarностью, которая, слава Богу, пока не носит конфронтационного характера.

К сожалению, эта опасность России прежде осознана достаточно четко не была. У нас в течение долгого времени вопросом номер один внешней политики, как вы знаете, был вопрос расширения НАТО на восток. Не столько расширение НАТО, первая волна расширения нанесла колоссальный ущерб российской политике, политике национальной безопасности, российским интересам, а то, что это было темой номер один российской политики. Фактически мы забывали о реальных приоритетах, о чем уже говорилось.

А реальные приоритеты национальной безопасности лежат сегодня внутри страны. Сегодня именно от этого зависит наше место в будущей Европе и само наше будущее. Естественно, если мы стремимся к реализации именно этих приоритетов, если мы стремимся таким образом обеспечивать взаимодействие с Западом, мы должны идти по пути демилитаризации отношений с Западом.

С этой точки зрения, чрезмерное акцентирование на проблеме НАТО, расширения НАТО, отношений России и НАТО, оно неизбежно приводит, мешает демилитаризации российско—западных отношений, отношений в Европе. Это, на мой взгляд, довольно опасно.

Поэтому, если говорить о самом расширении НАТО, то мне кажется, следует подумать о том, что оно представляло бы угрозу России, возможно, не только в военном аспекте, а в том смысле, как это может быть оценено — в той мере, в какой Россия окажется отделенной от объединяющейся Европы и в том случае, если Россия не будет сознательно работать на демилитаризацию своих отношений с этой Европой.

В это связи, как мне кажется, понимая, что вызов российской безопасности, причем как внешний, так и внутренний, сводится, в общем—то, отнюдь не к расширению НАТО, а к опасности исключения России из набирающих силу процессов европейской интеграции и сотрудничества, где главным центром этих интеграционных тенденций является, несомненно, Европейский союз. России следует очень внимательно посмотреть на то, что такое ЕС, какие возможности перед Россией открываются на этом направлении.

Если говорить о европейской интеграции, то, конечно, этот процесс как бы включает в себя три измерения. Первое измерение состоит в том, что интеграция определяет будущее самого Европейского союза. Второе — в том, что ЕС становится все более важным фактором европейского развития в целом. И третье, — что эти процессы европейской интеграции оказывают все более сильное воздействие на соотношение и перераспределение сил в мире.

Принято считать, что для каждого из этих трех измерений характерна высокая степень неопределенности, что затрудняет выработку российской стратегии на европейском направлении.

Вместе с тем, на мой взгляд, есть ряд вполне определенных констант, позволяющих сформулировать активную российскую стратегию, которая дала бы России возможность стать не только объектом, интеграционных процессов, но и их субъектом.

Прежде всего, из этих констант выделяются следующие.

Во—первых, для ЕС характерна активизирующая тенденция к углублению интеграции федерализации.

Во—вторых, ЕС уже стал центром притяжения для большинства европейских государств, что отражает тенденцию консолидации Европы.

В—третьих, углубление и расширение интеграции не только приводит к увеличению возможностей самого ЕС, но и переводит в новое качество его борьбу за влияние в мире, за поиск новых балансов и в мировой политике, и в мировой экономике. Поэтому с учетом этих констант, как мне представляется, вполне возможно наметить и перспективные направления, перспективные направления российской стратегии.

Россия не может позволить себе сегодня политику ожидания результатов и постепенной адаптации к тем масштабным процессам, которые разворачиваются в Европе. Она нуждается в активной европейской политике для того, чтобы преодолеть ту опасность, о которой я говорил раньше, опасность раскола Европы на объединяющуюся Европу без России и Россию вне Европы.

На мой взгляд, вне зависимости от того, как мы будем оценивать Россию, – является она мировой или европейской державой, ее основополагающие интересы и политическая стратегия связаны с развитием европейского интеграционного центра. Вместе с тем направление этой стратегии есть, но содержание ее может быть совершенно различным. Сегодня не говорилось о том, что в принципиальном плане, в политической мысли в России существуют абсолютно разные варианты оценки российских возможностей взаимодействия с Европейским союзом и политики в отношении объединяющейся Европы.

Я перечислю, на мой взгляд, самое главное.

Первое. ЕС – это главный партнер России.

Второе. ЕС является для России приоритетом, но наряду с другими приоритетными направлениями. Здесь различные варианты: США, СНГ, АТР, Китай, Индия и так далее.

Третье. Европейский союз является важным, но не приоритетным партнером.

Четвертое. Развитие ЕС и динамика европейских процессов на фоне относительной слабости и отставания России не оставляет для нее возможности рассчитывать на Европейский союз как на равного партнера в будущем.

Из этого следует вывод о том, что Россия нуждается в поиске иных стратегических направлений. И вот из этих иных стратегических направлений выделяется пятый вариант: преимущественная ориентация России на внутренние ресурсы развития с вытекающими отсюда атрибутами политического изоляционизма и экономического протекционизма.

Таким образом, нынешняя политика России, мне кажется, пока не строится на предпочтении какого-либо из этих стратегических направлений. Хотя какие-то подвижки есть, о них говорилось, но, тем не менее, для российской практики сегодня характерно тактическое маневрирование между всеми этими вариантами.

В связи с этим, как мне кажется, важно обозначить именно ту систему координат, в которой Россия могла бы определить свою европейскую стратегию.

Не имею времени подробно изложить свою точку зрения, скажу лишь о том, что, на мой взгляд, политика сосредоточения внутренних сил и ресурсов в противовес развитию сотрудничества с Европой, это путь в никуда. Это путь абсолютно непродуктивный и очень опасный. Приводятся доводы, связанные с тем, что Россия должна якобы сосредоточить ресурсы для того, чтобы лучше приспособиться, лучше вписаться в будущее в европейские процессы, а пока может и не стоит вступать в зону свободной торговли, пока не стоит вступать в ВТО и так далее.

Но те процессы глобализации, о которых здесь говорилось, процессы европейской интеграции, фактически не оставляют России какого-то большого временного отрезка для такой адаптации. Поэтому всякие ссылки, которые иногда приводятся, на Китай, на китайский опыт, на мой взгляд, совершенно неадекватны сегодняшней ситуации.

Для самой России важно определиться с тем, каким образом ей построить свои отношения с Европой. В этом отношении очень важно понять, что поезд европейской интеграции, как часто его называют, имеет свое расписание, свой курс. И Европейский союз, естественно, и интегрирующаяся Европа не могут до бесконечности ожидать: заявит ли Россия о готовности сблизиться с этим поездом.

Помощь и содействие от ЕС можно ожидать только в том случае, если Россия сама проявит готовность к ускорению направления общих интеграционных процессов в Европе. Вот в этом случае, когда совпадут векторы движения, мы имеем реальную перспективу наращивания нашего сотрудничества и, в том числе, реальную перспективу качественного улучшения отношений с нашими соседями из Центральной и Восточной Европы. Если эти векторы не будут совпадать, мне представляется, что Россия не сможет построить не только реальных партнерских отношений с Европейским союзом, но и не сможет поддерживать нормальное качество двусторонних отношений с такими странами, как, в частности, страны Балтии.

И в заключение я хочу сказать, что намечающаяся тенденция консолидации Европы, с одной стороны, и дрейфа России в сторону от интегрирующейся Европы, с другой – опасна ведь не только для самой России, она опасна и для Запада, и для Европы.

Россия в любом случае, исходя из своего военного потенциала, геостратегического положения, будет сильной, по крайней мере, региональной державой. Но это, если произойдет дрейф России от Европы, начнет все в большей мере диссонировать с нашими внутренними возможностями, прежде всего экономическими. Такой диссонанс очень опасен и, в конце концов, имеет явный выход на перспективу развития конфронтационных тенденций в отношениях между Россией и Европой.

Европа сегодня, как уже говорилось, осознает эту сложную ситуацию, эту опасность. Но дело в том, что она, также как и Россия, в общем-то, еще не сделала для себя своего собственного выбора. Если говорить честно, то весь предыдущий опыт отношений России с Западом, России с Европой свидетельствовал о том, что сотрудничество по линии Россия-Запад строилось Западом, прежде всего, с целью создания благоприятных условий для реализации собственной политики, но таким образом, чтобы Россия не обладала возможностями серьезного обратного влияния.

Это делало любое сотрудничество, по любым линиям довольно асимметричным. А вот сегодня вопрос и состоит как раз в том, готов ли Запад, готова ли Европа переосмыслить цели своего сотрудничества с Россией? Готова ли Европа на то, чтобы целью этого сотрудничества сделать достижение в будущем реального стратегического партнерства? Если да, то перед нами открывается возможная перспектива распространения концентрических кругов европейской интеграции не только до границ Беларуси, Украины и России, но, в том числе, и на эту территорию. То есть формирование той самой большой Европы, о которой мы говорили в начале, на рубеже 80-90-х годов.